

Н. Я. АБРАМОВИЧ

Эстетизм и эротика

<фрагмент>

<...> Легкая свежесть полевого ветра чувствуется на лице, когда подходишь к строкам столь же мало оцененного, как и Лохвицкая, художника, имеющего больше прав на это имя, чем многие и многие...

У Бунина есть Эрос. Этот поэт, равнодушный ко всем новейшим философским, мистическим и религиозным исканиям, равнодушный и к поэзии гражданской борьбы, является по милости природы, создавшей эту организацию, тончайшим инструментом, чувствительным для воздушно-легких веяний поэзии мира. Не обнаруживающий в своем творчестве ни широты, ни глубины развития, Бунин вместе с тем по чисто художественным особенностям своей природы, по благородству природы поэта и художника однороден с такими людьми жизненной музыки, как Бодлер или Вилье де Лиль Адан. В Бунине эта художественность природы — бессознательна, стихийна, и оттого у него есть такие грубые срывы в плоскость и даже пошлость, как стихотворения «Мистику» и несколько других.

Но чувство жизни у него — эта правда поэзии; чувствуется, что эту душу ласкают тончайшие крылья жизненных дуновений, что в прозрачности его сознания отражается поразительный по свету, лазурности и глубине поток жизни. Волна интимного, глубоко личного пантеистического восторга бьет в нем при соприкосновении с открытой и цветущей грудью жизни. В стихотворении «Затрепетали звезды в небе...» сверкает этот прибор жизни. Одинокий, оторванный для созерцаний, он никогда не насытится, никогда не упьется жизнью — ее ветром, далью, любовью к женщине и восторгом жизненного трепета. Упоенный, поэт в

смерти найдет только лишь отдых сна от мощной напряженности переживаний, чтобы вновь войти в просторы жизни.

И снова, где бы ни был я,
Я буду жить и сладко плакать
И славить радость бытия.

Почувствуйте его Эрос жизни в стихотворении «Розы» — «облака лепились В лазури пламенного дня»; две «полные огня» чаши роз; звучный и тяжелый гром; звон пчел; звон мух; сиянье дня; пробегающие потоки ливней и в их зеркально-зыбком блеске трепета лазури и солнца... Это чувство летнего дня, переданное со всей роскошью слова художника, дающего в тонкой работе веяние стихийности.

И в этой оправе общего широкого, всезахватившего жизнеощущения — любовь. Она — в центре чувств мира в тех, очень немногих, произведениях Бунина, где есть любовь.

Порой это только мучительная в своем очаровании греза, одинокое и пустынное созерцание, скывающее в тишине и грусти болезненный трепет жизненной жажды. Такое созерцание вылилось в торжественном и нежном стихотворении, полном вечерней тишины и дум у моря, начинающемся строфой:

Вечерняя безмолвная аллея
Ведет меня как будто в небосклон,
Там море подымается, синяя,
Меж позабытых мраморных колонн.

Поэт видит на скамье у моря, как в беклиновском замысле, облик своих грез — женщину, и у него выливается страстно: «Я ль не любил. Я ль не мечтал мятежно» слить свою жизнь с другой и душу с «душою страстной, женственной и нежной»... И снова вечерний задумчивый рефрен: «Пустынная, безмолвная аллея»...

Быть может, тоже греза одиноких и страстных созерцаний, быть может, очерк действительного — маленький в прозе шедевр — «Осенью». Здесь власть грезы женщины ярче и обаятельней и проявляется в живых, реальных очертаниях. Не смутная греза, а облик, очерченный в живой определенности и обаятельный именно живыми очертаниями тела и горящей в нем жизни. Тонко и нежно намечается нить чувств, связывающая болезненной и радостной связью два тела в два сознания — его и ее. Опутанные золотой сетью очарования, они едут к морю, чувствуя в первый раз новыми землю и мир. И в свежести, в цветоносности, в вечной весне мира чувствуется близкое тело, в котором горит любимая жизнь. Бунин дает это почувствовать одним штрихом:

он касается атласной ткани одежд на ее теплом и неясном колене, и очарование весны и тела чувствуется прекрасней всего прекрасного. В свежих волнах ветра, в шуме и грохоте деревьев, листьев, ветра и морских волн они дышат соленой прохладой моря. И колоссальный прибой, разбившийся у берега и оросивший их свежим дождем пенных брызг, был символом прекрасной весенней страсти, мучительного и безумного влечения к жизни.

Эту музыку и тоску влечения дает стихотворенье «Зной». У моря, ласково плещущего под прозрачным зноем хрустальной водой о песок, лежит поэт, «упоенный зноем». В очаровании неподвижного пахучего тепла, заставляющего тяжелей биться кровь в висках и тяготеющего, как колоссальное дыхание легкой истомы и жажды, поэт погружается в грезы. И снится ему сад «и прохладный грот, Кипарисы неподвижным строем Стерегут там звонкий водомет. Старый мрамор под ветвями тисов Молодыми розами обвит, И горит залив меж кипарисов, Точно синим пламенем налит».

А вокруг — истома сладострастья,
И под шум фонтанов запах роз
Мучит душу красотой счастья,
Красотой сонно-знойных грез.

В очерке «Любовь» девушка летней ночью в саду останавливается в первый раз перед открывшейся дверью новой жизни расцветшего тела и созревшей души и в светлой жажде жизни готова с невинной стихийностью отдаться расцвету и зною. Сад, его черные ночные гущи, принимает грезы и трепет девушки, и во имя чистой мощи этих грез девушка на другой день, в обнажающем свете буден, отказывает «жениху», который далек был от нее в эту ночь призыва и расцвета. Поразительно то, что рассказ этот ведется от первого лица. Поэт совершил чудесное перевоплощение, причем отражена психология момента экзотического, исключительного по яркости и полноте.

Характерен для Бунина прекрасный рассказ «Перекасти поле», полный юношеским жутким и тоскливым чувством жизненной жажды и какого-то лирического, красиво-созерцательного бессилия. Любимая девушка отдает свою жизнь, свое тело и душу другому. На юге жаркие и пыльные дни герой очерка переживает в каком-то страстно-тоскливом кошмаре. И описания не только самих переживаний, но и входящих в них — пустынной, мертвой улицы, стен комнаты, спутника скитаний — чемодана, о котором так трогательно говорится в рассказе, все это полно ли-

ризмом жизненной жажды и ноющей горькой тоски ожидания осуществлений.

Эта певучая прекрасная лирика, в которой звенит одна ноющая, нежно-скорбная нота, слышится в рассказах «В июле»; о девочке цыганке; в стихотворении — «Кольцо».

Поэт задремал у плеса, над Днепром, и ветер повеял на него «прохладой и запахом свежего теса», и вдруг в воде блеснуло золотое кольцо. Волны его вымыли точно к венчанию. А на берегу — «искрился солнечный блеск»,

Видел я плахты, сорочки и смуглое тело...
...Жадной толпою сошлись они к отмели белой.
Жадно дыша, одевались они на песке,
Лоснились косы и карие очи смеялись,
С звонкими песнями скрылись они вдалеке,
Звонко о берег прозрачные волны плескались...
Чье-то кольцо золотится в горячем песке.
О, красота, тишина и раздолье Днепра.
Помню, как ветер в лугах серебрил верболозы.

Свежая волна ветра бьет здесь тем же восторгом и счастьем жить, полнотою чувств, их яркостью и силой... Но лирика тоски продолжает неуловимо звучать и здесь. Поэт объясняет ее, эту свирель тоски: «Помню о счастье безумные сладкие грезы... Знойные полдни на белых побережьях Днепра». <...>

